

Особенности функционирования I инфинитива в вепсском языке на основе материалов Открытого корпуса вепсского и карельского языков

Мария Владимировна Кошелева

*Петрозаводский государственный университет,
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия*

Введение. Одной из весомых причин повышенного внимания к исследованию вепсского языка является относительно молодая система вепсской письменности, становление которой происходит в последние десятилетия. Разработка правил ставит перед исследователями задачу анализа ряда грамматических категорий, среди которых и рассматриваемая в статье форма I инфинитива.

Материалы и методы. В статье предпринята попытка проанализировать случаи использования I инфинитива на основе диалектных материалов Открытого корпуса вепсского и карельского языков: выявить статистику употребления данных форм в предложении, обозначить закономерности их функционирования в синтаксических конструкциях, выявить разницу или ее отсутствие в употреблении именных форм глагола в разных диалектах вепсского языка.

Результаты исследования и их обсуждение. Форма I инфинитива является самой распространенной и востребованной инфинитивной формой в вепсском языке, поэтому она представлена в большом количестве текстов, имеющих в Открытом корпусе вепсского и карельского языков. Анализ показал, что частотность ее употребления во всех диалектах вепсского языка примерно одинакова. I инфинитив выполняет в предложении роли субъекта, объекта, адвербиала и адъектива, а также выступает в качестве предикатива в составе колоративной конструкции. В зависимости от синтаксической функции инфинитива в составе инфинитивной конструкции выделяются несколько основных групп.

Заключение. Открытый корпус вепсского и карельского языков представляет собой богатый источник вепсского языкового материала. В нем присутствует значительная диалектная база, которая, несмотря на необходимость ее постоянного пополнения, является ценной и репрезентативной для исследователя и позволяет описать картину использования I инфинитива в вепсском языке с точки зрения его синтаксической роли.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, вепсский язык, I инфинитив, синтаксические функции инфинитивов

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания Карельского научного центра РАН № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей».

Для цитирования: Кошелева М. В. Особенности функционирования I инфинитива в вепсском языке на основе материалов Открытого корпуса вепсского и карельского языков // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 408–420. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.408-420.

Введение

Вепсский язык, будучи языком коренного малочисленного народа Российской Федерации, требует особого внимания в плане его сохранения, популяризации, а также изучения различных грамматических категорий, в том числе инфинитивов. Инфинитивы выступают важной грамматической категорией с точки зрения морфологии и синтаксиса, а также семантики,

которая позволяет выявить особенности языковой картины мира народа.

Еще в прошлом столетии возможность сбора и анализа вепсского диалектного материала ограничивалась полевыми исследованиями. Их результаты отражались в картотеках и фонограммах, доступ к которым был довольно ограничен, а также в опубликованных образцах

вепсской речи, собранных российскими и финскими исследователями¹ [11; 14; 16]. Так называемые образцы речи становятся все более востребованными в изучении не только языков коренных народов, но и фольклора и этнографии. Образцы речи в различных их видах являются источником уникальных сведений в этих сферах [4].

Набор традиционных методов анализа и получения языковых данных, к которым относятся сбор лингвистического материала, его запись, расшифровка и т. д., дополняется в наше время корпусным методом, т. е. созданием лингвистических корпусов. Различные фундаментальные проблемы в науке о языке с недавнего времени обсуждаются с привлечением такого эффективного и полезного инструмента, как корпус языка [6, 6]. Кроме того, с помощью этого инструмента повышается скорость обработки языковых данных, что позволяет исследователям делать выбор в пользу языковых корпусов. Быстрый доступ к языковым материалам, выявление определенных грамматических категорий, классификация текстов по диалектам – всё это предоставляет большие возможности для оптимального поиска необходимых данных.

Открытый корпус карельского и вепсского языков² (далее – Корпус) ведет свою историю с 2009 г., когда доктор филологических наук Н. Г. Зайцева начала работу над Корпусом вепсского языка. В связи с тем что задачи по сохранению и популяризации карельского и вепсского языков идентичны, в 2016 г. сотрудники Карельского научного центра РАН приступили к созданию на базе вепсского многоязычного корпуса. Так Открытый корпус вепсского и карельского языков стал продолжением Корпуса вепсского языка. Данные электронные ресурсы включают как образцы вепсской и карельской диалектной речи, так и младописьменные тексты разного содержания: этнографического, фольклорного, литературно-художественного, переводного [3, 378].

Открытый корпус вепсского и карельского языков является многоязычным полнотекстовым лингвистическим корпусом и содержит морфологическую, семантическую и метатекстовую разметку³. Он состоит из подкорпусов, выделение которых базируется на двух параметрах, а именно: языковой и стилистической принадлежности текста [1, 101]. Развитая система поиска текстов с фильтрацией по языковой принадлежности, информанту, месту сбора и году записи позволяет исследователю более качественно систематизировать изучаемый материал.

Корпус делится на языки и наречия, в нем в достаточном объеме представлены все диалекты вепсского языка. Собственно диалектные тексты составляют основу Корпуса. Их источником послужили экспедиционные записи исследователей-вепсологов Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН), хранящиеся в Фонограммархиве Института. Все диалектные тексты, представленные в Корпусе, характеризуются ограниченным по времени записи периодом: самые старые отмечены 1918 г., но основной их массив приходится на 1960-е гг. Это обусловлено тем, что в 1969 г. вышел сборник диалектных текстов «Образцы вепсской речи»⁴, материалы из которого опубликованы в Корпусе. В Корпус регулярно вносятся новые тексты различных жанров и диалектов, однако в силу ограниченных исполнительских ресурсов на сегодняшний день в нем представлена лишь часть неопубликованных материалов, хранящихся в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН. Например, отсутствуют, в связи с определенными административными сложностями, тексты из образцов вепсской речи иностранных исследователей. Несмотря на это, диалектные вепсские материалы Корпуса являются репрезентативными и помогают выполнить поставленные перед автором задачи.

¹ См.: Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969.

² См.: Открытый корпус вепсского и карельского языков (ВепКар). 2009–2022. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru> (дата обращения: 10.07.2023).

³ См.: Крижановская Н. Б., Новак И. П., Пеллинен Н. А. ВепКар: руководство для пользователей. Изд. 1. Декабрь 2022. URL: http://dictorpus.krc.karelia.ru/docs/vepkar_manual_2022-12.pdf (дата обращения: 05.06.2023).

⁴ См.: Зайцева М. И., Муллонен М. И. Указ. соч.

На момент настоящего исследования в Корпусе насчитывалось 340 диалектных текстов на вепском языке, среди которых 44 северновепских (Залесье – 7, Каскес-ручей – 6, Рыбрека – 1, Шелтозеро и входящие в него деревни – 12, Гимрека – 3, Шокша – 6), 57 южновепских (Белое Озеро – 6, Боброзера – 1, Керчаково – 1, Кортлахта – 3, Прокушево – 4, Радогощ – 2, Сидорово – 37, Федорова Гора – 4), 117 средневепских восточных (Вахтозеро (Бабаевский район, Vahtkär) – 4, Войлахта – 8, Кривозера – 5, Куя – 13, Ошта – 5, Пондала – 62, Пяжозера – 2, Сяргозера – 1, Торосозера – 1, Шатозера – 2, Шимозера – 14), 122 средневепских западных (Каргиничи – 5, Кекозера – 4, Курба – 1, Ладва – 46, Немжа – 3, Ниргиничи – 1, Озёра – 36, Пелдуши – 18, Подовинники – 1, Сарозера – 1, Чикозера – 1, Ярославичи – 2).

Все диалектные тексты делятся на две основные категории: фольклор (сказки, причитания, заговоры, песенки, частушки) и бытовые рассказы. Это позволяет проследить влияние жанра на употребление и синтаксическую функцию I инфинитива. Северновепские диалектные тексты представлены вепскими причитаниями, опубликованными в работе “Käteške käbedaks kägoihudeks” («Обернись-ка милой кукушечкой»)⁵ и записанными Р. П. Лониным, сказками, опубликованными в сборнике «Вепские народные сказки»⁶, бытовыми рассказами из этнографического фильма Л. В. Чирковой «В чистой воде рыба клюет» (2014) и расшифрованными записями из Фонограмм-архива ИЯЛИ КарНЦ РАН.

Основной массив южновепских текстов состоит из записей, опубликованных в Образцах вепской речи, сборниках вепских причитаний и сказок, а также из полевых записей О. Ю. Жуковой.

В основе записей средневепских восточного и западного диалектов также лежат опубликованные в Образцах вепской

речи тексты, вепские причитания, записи из Фонограмм-архива ИЯЛИ КарНЦ РАН, а также расшифровка личных записей исследователей.

Статистика показывает, что северно- и южновепских текстов в корпусе меньше, чем средневепских. Это вызвано несколькими факторами: в опубликованных отечественных Образцах вепской речи нет северновепских текстов, а южновепский диалект представлен не так активно, в силу того что на момент создания сборника южновепских записей в Фонограмм-архиве ИЯЛИ КарНЦ РАН было немного⁷.

Помимо диалектных текстов, в Корпус внесены тексты, относящиеся к другим подкорпусам, а именно: библейские тексты, право, публицистические тексты, к которым относятся статьи из периодических изданий издательства «Периодика» (вепскоязычная газета “Kodima” («Родная земля»), альманах “Verez Tullei” («Свежий ветер») и детский журнал “Kipinä” («Искорка»)), фольклорные тексты, в том числе переводы текстов различных фольклорных жанров на вепский язык, художественные тексты, представленные в основном младописьменным языком, а также субтитры к фильмам и передачам на вепском языке, подготовленные сотрудниками национальной редакции ГТРК «Карелия». Корпус регулярно пополняется материалами по соглашению с издательствами и авторами текстов. Кроме того, неисчерпаемым ресурсом является Научный архив КарНЦ РАН.

Обзор литературы

В статье предпринята попытка проанализировать случаи использования I инфинитива на основе диалектных материалов Открытого корпуса вепского и карельского языков. Являясь наиболее употребительной и продуктивной, форма I инфинитива вызывает постоянный исследовательский интерес. Попытки опи-

⁵ См.: Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. Käte-ske käbedaks kägoihudeks “Обернись-ка милой кукушечкой”: вепские причитания. Петрозаводск, 2012.

⁶ См.: Вепские народные сказки: сб. / сост.: Н. Ф. Онегина, М. И. Зайцева. Петрозаводск, 1996.

⁷ В силу сложившихся исследовательских традиций в южновепском ареале во второй половине XX в. активную собирательскую работу вели эстонские исследователи.

сать и проанализировать инфинитивные формы в вепсском языке предпринимали российские и зарубежные ученые прошлых лет и современности. Особо стоит отметить труды финского исследователя вепсских диалектов Л. Кеттунена, подробно описавшего синтаксические конструкции вепсского языка в соответствии с логико-синтаксическим методом⁸ [10]. Инфинитивные конструкции с точки зрения синтаксиса вепсского языка рассматривает современный финский ученый Р. Грюнталь [9].

Среди отечественных исследований, в которых содержится анализ инфинитивных форм вепсского языка, нужно упомянуть труды Н. Г. Зайцевой, и в первую очередь «Граматику вепсского языка», где представлена полная грамматическая система вепсского языка от словообразования до синтаксиса⁹. Полипредикативным конструкциям с инфинитивами посвящена работа Г. П. Ивановой [5].

В данной статье форма I инфинитива и ее синтаксические функции рассматриваются на основе материалов Корпуса вепсского и карельского языков. Применение метода корпусной лингвистики на примере Национального корпуса русского языка раскрыто В. А. Плунгяном [6; 7]. Особенности прибалтийско-финской корпусной лингвистики подробно описаны разработчиками и создателями Корпуса [1; 4].

Материалы и методы

В статье предпринимается попытка проанализировать продуктивность употребления инфинитивных форм в диалектах вепсского языка в зависимости от их синтаксической функции. Возможности, заложенные в аналитическом аппарате Корпуса, способствуют ее осуществлению. Для этого используется система лексико-грамматического поиска, доступного в Корпусе. К анализу привлекаются только диалектные тексты Корпуса, среди которых 44 северновепсских, 57 южно-вепсских, 117 средневепсских восточных и 122 средневепсских западных. Морфологическая разметка, которая указывает

часть речи и морфологические признаки каждой леммы, находящейся в тексте, позволяет исследователю при применении лексико-грамматического поиска ввести необходимые параметры, такие как язык, диалект, часть речи и ее грамматические признаки, и получить необходимый результат, а именно: список текстов и количество запрашиваемых форм, встретившихся в текстах. Таким образом возможно определить количество текстов и инфинитивных форм в них, а также отследить статистику их употребления.

Открытый корпус вепсского и карельского языков представляет собой богатый источник для изучения вепсского языкового материала. В нем присутствует значительная диалектная база, которая, несмотря на необходимость ее постоянного пополнения, является ценной и репрезентативной для исследователя и совместно с ручной обработкой позволяет описать картину использования I инфинитива в вепсском языке с точки зрения его синтаксической роли.

Самым важным фактором при создании языковых корпусов является разметка. Хорошая разметка позволяет быстро и эффективно найти в них те конструкции, которые нужны исследователю [7, 8]. Несмотря на то что более 73 % текстов Корпуса размечены автоматически [1, 110], в процессе работы возникает необходимость прибегнуть к ручной разметке, обусловленная наличием случаев омонимии. Например, результат поиска выдает определенное количество предложений с использованием I инфинитива *sada* ‘получать’; в то же время в выборку попадают предложения, где *sada* является количественным числительным и имеет значение ‘сто’. Сюда же можно отнести случаи омонимии инфинитивов возвратных глаголов и пассивной формы глагола, в частности

⁸ См.: Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki, 1943.

⁹ См.: Зайцева Н. Г. Грамматика вепсского языка. Петрозаводск, 2003.

tehtas ‘становиться’ и *tehtas* ‘делают’. Для таких случаев автоматическая система предлагает эксперту несколько значений и набор грамматических признаков, нужный из которых выбирается вручную. В связи с этим во время проведения данного исследования параллельно выполнялась задача по ручному снятию омонимии в Корпусе, что в итоге привело к более точному результату лексико-грамматического поиска.

На основании анализа употребления форм I инфинитива в каждом предложении и подсчета случаев использования инфинитива в той или иной синтаксической роли получена статистика употребления инфинитивов по их синтаксической роли.

Результаты исследования и их обсуждение

Форма I инфинитива является самой распространенной инфинитивной формой в вепском языке, поэтому она представлена в большом количестве текстов, имеющих в Корпусе. Благодаря системе лексико-грамматического поиска было выявлено, что форма I инфинитива присутствует в 88 % северновепских текстов (39 текстов и 356 инфинитивов), 60 % южновепских (35 текстов и 147 инфинитивов), 69 % средневепских восточных (81 текст и 454 инфинитива) и 81 % средневепских западных (100 текстов и 593 инфинитива).

Статистика свидетельствует о том, что форма I инфинитива востребована в языке и частотность ее употребления во всех диалектах вепского языка примерно одинакова. В зависимости от синтаксической функции инфинитива в составе инфинитивной конструкции выделяются несколько основных групп. Далее приведены случаи употребления I инфинитива в вепском языке в связи с его синтаксической ролью.

I инфинитив в роли субъекта

В роли субъекта форма I инфинитива выступает довольно часто в конструкциях в связке с глаголами долженствования *pidab*, *tariž*, *tarbiž* ‘нужно’. Эта группа является самой распространенной.

В представленных текстах встретилось 76 северновепских форм (21 % от всех инфинитивных форм), 20 южновепских (13 %), 118 форм в западновепском говоре (20 %) и 79 в восточновепском (17 %):

(сев. вепс.) *Keitta pidab*, *kaik sijad pidab tehtä* «Варить нужно, всё нужно делать»; *Vaise opeta pidab vól kaks' poigad* «Только выучить нужно ещё двух сыновей»;

(юж. вепс.) *A mä penemb ženihud, tarbi vou libuda, barbheizil' libuda* «А я меньше жениха, нужно ещё подняться, на цыпочки подняться»; *Hän vou nor', tarbiž ouda kodiš* «Она ещё молодая, нужно быть дома»;

(вост. вепс.) *Ičezo-se kaik gö tariž üižüu statg'au rata* «Свое-то всё нужно уже ночью делать»; *Kinktemba tariž kingitada kolodaha* «Выше нужно прикрепить к колоде»; *Nu neco d'ojockaine tariž mihelo otta* «Ну эту девочку нужно замуж выдавать»;

(зап. вепс.) *Tuled, ka mitte-ni kül'bet' tariž zavot't'a* «Придешь, и какую-то баню надо начать»; *Minei kodihe oliž lähtta da rata tariž* «Мне домой было бы идти и работать нужно».

В последнем предложении употреблена интересная форма, где конструкция долженствования с условным значением выражена глаголом *olda* ‘быть’ в форме кондиционала в сочетании с глаголом в форме I инфинитива *minei oliž lähtta* ‘букв.: мне было бы идти’, т. е. ‘надо бы идти’. Предложение *Mijak ii mindain oliž panda carikš* «Почему бы меня не поставить царём» наминает конструкцию долженствования в финском языке (*nesessiivirakenne*), где долженствование выражено глаголом *olla* ‘быть’ в форме 3-го л. ед. ч. и основного глагола в форме первого пассивного причастия *olisi oltava* ‘нужно бы быть’. Такая конструкция встречается и в других вепских говорах: (сев. вепс.) *Čikuško, oliž naida* «Сестричка, надо бы жениться»; *radnik mini tari oliž* «работник мне был бы нужен»; (юж. вепс.) *Tari hot' vedaada oliž bokha* «Нужно бы хоть отвести в бок».

В процессе анализа учитывались также предложения, где форма глаголов долженствования *tarbiž*, *pidab* опускается и становится ясна лишь из контекста. С одной стороны, это можно объяснить тенденцией к сокращению, свойствен-

ной разговорной речи. Подобные конструкции бытуют и в финских говорах. С другой стороны, здесь, безусловно, сказывается влияние русского языка, для которого такое явление обычно. Например, в западном и восточном говорах широко представлены варианты употребления этой конструкции в бытовых рассказах, где информант повествует о традиционных занятиях в таких областях, как ведение сельского хозяйства, сенокос, животноводство, ремесло, проведение обрядов жизненного цикла и т. д.:

(зап. вепс.) *Jäl'ghe užinad soglasišoi konz svadib (tarbiž) tehta* «После ужина договаривались, когда свадьбу (нужно) делать»; *Ladvas sigä loukanno siižui mugoi pres, kudambaha kaik sidotud káčud panda, presuida, jäl'ges varastada konz mašin tuleb* «В Ладве там у магазина стоял такой пресс, в который все связанные káčud (нужно) положить, спрессовать, после подождать, когда машина придет»; *Purnuspei otamei, konz touknat tehta* «А из закрома берём, когда толокно (надо) делать»;

(вост. вепс.) *Naku nece sijaine aid püudos tehta sniiz* «Вот этот забор в поле (нужно) сделать тебе»; *Mida nügutte zavot't'a, kut elada?* «Что теперь (нужно) делать, как жить?»; *Viž virstad ajada mijoupei pagastale-se* «Пять вёрст (нужно) ехать от нас до погоста».

Реже в роли субъекта I инфинитив выступает в типичной для прибалтийско-финских языков предикативной конструкции *om hüivä tehta* ‘хорошо делать’, представленной глаголом *olda* ‘быть’ в форме 3-го л. ед. ч., прилагательным, описывающим действие, и субъектным инфинитивом, выражающим само действие.

В северновепсском говоре встретился только один случай использования данной формы, в южновепсском – ни одного. В западном и восточном говорах средневепсского диалекта данная форма представлена несколько большим количеством случаев, 2 и 6 % соответственно: (сев. вепс.) *Siga om läm' magata* «Там тепло спать»; (зап. вепс.) *Čoma diki kudoda om* «Очень красиво вязать»; *Nüğüde düvja om eläda, ka vanh olen* «Сейчас хорошо жить, да я старый»; *Houg' löumäi om leta ongeragou* «Щуку

тяжело поднимать удочкой»; (вост. вепс.) *Poikusid'me [om] kebjem turutada* «По перекладине легче катать». В последнем примере произошла редукция глагола-сказуемого *om*.

Вепсский язык, будучи языком коренного малочисленного народа Российской Федерации, требует особого внимания в плане его сохранения, популяризации, а также изучения различных грамматических категорий, в том числе инфинитивов. Инфинитивы выступают важной грамматической категорией с точки зрения морфологии и синтаксиса, а также семантики, которая позволяет выявить особенности языковой картины мира народа.

Статистика, основанная на данных Корпуса, показала довольно скромный результат употребления I инфинитива в роли субъекта в предикативной конструкции. Анализ широкого круга источников, в частности образцов речи, изданных в предшествующие годы в Финляндии, свидетельствует о его более устойчивых позициях в языке. Видимо, последующее насыщение Корпуса диалектными материалами позволит скорректировать результат.

I инфинитив в роли объекта

I инфинитив довольно часто выступает в роли объекта предложения вместе с группой глаголов, с которыми он образует подчинительную связь. В основном это переходные глаголы *antta* ‘давать’, *käskta* ‘приказывать’, *eht't'a* ‘успевать’, *zavot't'a* ‘начинать’, *jätta* ‘оставлять’, *tahtoida* ‘хотеть’ и др.

В северновепсском говоре встретилось 15 % случаев употребления I инфинитива с глаголами данной группы: *Ankat tö mili tägä voikta* «Дайте вы мне здесь поплакать»; *Poigad, pidab opetaze venäks pagišta* «Сыновья, нужно учиться по-русски разговаривать»; *Ehtned sada mindei, mina liineškanden eläb, ed ethne tabata mindei, mina petl'ha män* «Успеешь догнать меня,

я буду жива, не успеешь поймать меня, я в петлю пойду»; *Laps' magatta I dättihe* «Ребёнка спать и оставили».

В южновепском говоре доля конструкций, где инфинитив выполняет роль объекта, составила 6 % от общего количества инфинитивных форм: *Hm, da andame mä sine seda* «Хм, так я и дамся тебе съесть»; *Jagi-baba satoi pert'he da käskob nän'koita i bajutada* «Баба-яга проводила до дома и приказывает нянчить и баюкать»; *Ema i dumai, ehtimaa vou ostta i lat't'a* «Я и не думаю, успею ещё купить и наладить».

Инфинитивный объект представлен 13 % от всего количества инфинитивных конструкций в западновепском говоре и 11 % – в восточновепском: (зап. вепс.) *Andoiba knigad lukt'a* «Дали книгу прочитывать»; *Minä zavodin tehta sōmād, pīrgad da munaričan* «Я начал готовить еду, пирог и яичницу»; *Nügude nel'l' kud anttas guleida* «Теперь четыре месяца дают гулять»; (вост. вепс.) *Hvatib sügüzoks samijaks, vu jāb, ii ehti palada* «Хватит до самой осени, не успеет сгореть»; *Kaikid'-se en rohtn'ü kerata* «Всех-то не осмелился собрать»; *semendan liiban, kazvab, zavodid' rahnda* «посею хлеб, вырастет, начнёшь жать».

Наиболее распространенный тип глаголов, с которыми форма I инфинитива выступает в роли объекта, – модальные глаголы возможности действия *sada* ‘мочь’, *mahtta* ‘уметь’, *voida* ‘мочь’ и т. д.

В северновепском диалекте выявлено 25 % подобных конструкций: *Ken mahtab d'agada?* «Кто умеет делить?»; *min-že voim pän čapta?* «как же я могу голову отрубить?».

В южновепском диалекте – 19 %: *I nügüt' oma tamšid' mahtaba ugovorida i purendas* «И сейчас есть женщины, которые могут заговорить от укуса»; *Mii eme voiliima i dumaida i smet't'a* «Мы не могли подумать и понять».

В западно- и восточновепском говорах – по 17 %: (зап. вепс.) *ii voi vedada nikut* «никак не может тянуть», *a tohespäi mah-tad-ik mida-ni kuvata?* «а из бересты умеешь ли что-нибудь плести?»; (вост. вепс.) *voiz keskhe lämeizen panda* «можно бы и посреди огня положить»; *žar pāzub, ka elāda ei sa* «жара настанет, то жить нельзя».

I инфинитив в роли атрибута

Реже в Корпусе встречаются конструкции, в которых инфинитив выполняет атрибутивную функцию, т. е. выступает в роли определения. Тем не менее они довольно хорошо вписываются в вепский язык. В северновепском говоре эти конструкции представлены 1 % от всех инфинитивных конструкций, в южновепском – 2, в западновепском и восточновепском – соответственно 2 и 3 %. В целом это говорит о равномерном употреблении инфинитива в качестве атрибута по диалектным ареалам вепского языка.

Чаще всего в такой конструкции в качестве определяемого слова выступает существительное в номинативе или партитиве в связке с формой I инфинитива, который описывает существительное с точки зрения его действия. Нередко в качестве существительного встречаются слова *affat* ‘охота (в смысле ‘желание’)', *aig* ‘время’, *taht* ‘желание’, *mel'* ‘мысль’. Такие конструкции можно считать устойчивыми: (сев. вепс.) *ilä offot ištta, ilä offot gul'aida* «Нет охоты сидеть, нет охоты гулять»; *Eilä ohvot tulda?* «Есть ли охота прийти?»; (юж. вепс.) *Mel'hištimooiš, mehele affat mända, a hälle affat naida* «Влюбились, замуж охота выйти, а ему жениться охота»; (вост. вепс.) *Aig tegese naida* «Время настаёт жениться»; *vāndon norile priheizile keiken eigan ofot ostta* «игру молодым парням всё время охота купить»; *ka naita tegihe mel'* «жениться захотелось»; (зап. вепс.) *Mil'taht voib sihe tulda* «У нас желание, может, туда пойти»; *Kaikile vūta ofot teg'hez' opetas* «Всем захотелось научиться играть».

I инфинитив в роли обстоятельства (адвербиала)

В роли определяемого существительного может быть и любое другое, в таком случае инфинитив можно рассматривать как адвербиал, или обстоятельство причины. Но иногда ситуация с определением синтаксической функции инфинитива остается спорной, всё зависит от поставленного вопроса и контекста сказанного: (юж. вепс.) *Taigin oli viuu sotkta* «Тесто еще было месить» (тесто какое или тесто для

чего?). Как уже отмечалось [13, 155; 15, 283], в некоторых случаях синтаксическую функцию инфинитива определяет именно его семантическое значение: (зап. вепс.) *leibäd söda* «не было хлеба есть» (хлеба какого или хлеба для чего?); *Nu magata ka nimittušť' pertišť' iilend* «Ну спать-то никакого домика не было» (домика какого или домика для чего?), *Minai tämbei päč löda* «У меня сегодня печь делать» (печь какая или печь для чего?); (вост. вепс.) *Tämbai sinun očered' om kolot'ť'a* «Сегодня твоя очередь колотить»; *Tämbai ii müu olo opeta* «Сегодня нет у нас состояния учить».

Конструкции, где I инфинитив выступает в качестве обстоятельства, выражающего причину, намерение или цель действия, или имеющего финальное значение, встречаются в Корпусе в следующем количестве: 2 % в северновепсском говоре, 7 – в южновепсском, 4 – в восточновепсском и 2 % в западновепсском. Здесь учитывались предложения с подчинительным союзом с финальным значением *miše* 'чтобы', *ku* 'если', а также предложения, где этот союз опущен. Также были учтены конструкции, о которых шла речь в предыдущем пункте:

(сев. вепс.) *Mužik oli vól nor', tütär kazvatada, ka hän ot'ť' I nai toižen kerdan* «Мужик был ещё молодой, (чтобы) дочь растить, он взял и женился второй раз»; *Anda mili luuhut kabita* «Дай мне косточку (чтобы) обглодать»; *Toukunt tegin söda hänele, I hän kakastui* «Толокно я сделал (чтобы) есть ему, и он поперхнулся»; *Midani tedad bivaščiniid sanuda?* «Какую-нибудь знаешь бывальщину (чтобы) сказать?»;

(юж. вепс.) *Uk tehli horomad vaamheks, ku jagada poig* «Старик делал хоромы наготово, чтобы отселить сына»; *Tänavon merežad oliba paratut mugažo, štobi sada i toda jarfhe* «В этом году тоже были поставлены мережи, чтобы наловить и принести на озеро»; *A vilu vezi roida, ka basiba, lib ugar* «А (если) холодную воду бросать, то, говорят, угар будет»; *Otin' lapad, kandan kod'he, basin', akt-se kirjutada* «Взял лапу, отнесу домой, говорю, акт-то (чтобы) написать»;

(вост. вепс.) *Tat pokoinik ost' tinaižen, kodiš valada tohusen* «Отец-покойник купил олово (чтобы) дома лить свечи»; *Miile söda maidod kandaškanz'* «Нам (чтобы) поесть молока принес»; *Ii näguška sirpid čokaita* «Не вижу серпа (чтобы) воткнуть»; *Anda härkim nolauta* «Дай мутовку (чтобы) облизать»; *kül' betihe tegem hoz'g'aižed pestakso* «делаем в бане мочалки (чтобы) мыться»; *Hän andoi länged kahtod kantta* «Он дал два хомута (чтобы) нести»;

(зап. вепс.) *Prozad kirjutada ka tari ištta stolan taga* «Прозу [чтобы] писать, то нужно сидеть за столом»; *Kartohkoid' ištuteliba vähän, vaiše ičele söda* «Картофеля посеяли мало, только себе (чтобы) есть».

Набор традиционных методов анализа и получения языковых данных, к которым относятся сбор лингвистического материала, его запись, расшифровка и т. д., дополняется в наше время корпусным методом, т. е. созданием лингвистических корпусов. Различные фундаментальные проблемы в науке о языке с недавнего времени обсуждаются с привлечением такого эффективного и полезного инструмента, как корпус языка.

Выступая в роли обстоятельства места, форма I инфинитива ставит вопрос дистрибуции формы I инфинитива и иллативной формы III инфинитива, особенно когда речь идет о диалектах. Анализ диалектных форм, представленных в Корпусе, указывает на то, что иногда в конструкциях с глаголами движения используется I инфинитив на месте III инфинитива, хотя это противоречит прибалтийско-финским закономерностям. Причиной такой замены является влияние русского языка.

Самое большое количество случаев, где I инфинитив используется вместо иллативной формы III инфинитива, встретилось в северновепсском диалекте – 5 %: *Laps' magatta I dättihe* «Ребёнка спать и оставили»; *söd'he, död'he, ka magatta verd'he* «поели, попили и спать легли»; *Hän magatta mäni* «Он спать пошёл».

В восточном говоре – 4 %: *Käuda küll'betiš pestas ka* «Сходить в бане помыться»; *Kuna mö veškam möda?* «Туда мы отведём продавать?»; *mina en lähtnuiž necida dumad dumeida* «я бы не пошёл эту думу думать».

В западном – 1,3 %: *Min'a ezmäks openzimoj pagišta vepsäks* «Я сначала научился говорить по-вепски»; *Užinan süimei ka jäl'ghe užinad ika magata panese* «Ужин съели, да после ужина спать ложиться»; *Mända mini kacta* «Пойти мне посмотреть».

В южновепском диалекте подобные случаи в Корпусе не представлены, что вновь объясняется относительно небольшим содержанием в нем диалектных текстов на этом диалекте.

Требуем внимания инфинитивная конструкция, зафиксированная в западно-вепском говоре и включающая глагол, не имеющий полной парадигмы и совпадающий с потенциалом *linda* ‘быть, становиться’ в форме 3-го л. ед. ч. (*linneb*), и форму I инфинитива. Значение глагола *linda* зависит от контекста: в одних случаях он может обозначать любое действие в будущем времени, а в других его значение приближается в возможностному наклонению [2, 261]. Глагол *linda* является потенциальной формой глагола *olda* ‘быть’ в родственных языках. Это может свидетельствовать о потенциальном значении рассматриваемой конструкции и в вепском (т. е. ‘придётся’). Иногда форма глагола *linda* опущена. Чаще всего конструкция бытует в фольклорных текстах (сказках) и текстах причитаний в сочетании с существительным в форме аллатива (кому?): *Kut minei linneb kubahtada i likahtada* «Как мне будет шевелиться и двигаться»; *I kut miile nügud eläda se* «И как мне теперь жить-то»; *I kut minei linneb mänetada nese* «И как мне будет проводить это»; *I kutak i mini liineškandeb eläškata i oleškata-se* «И как же мне будет жить и существовать»; *Liineb näl'gha kolda* «Придётся с голоду умереть». Эта конструкция соответствует русской фольклорной формуле, обычной для жанра причитаний, и, видимо, испытала ее влияние.

Инфинитив

в составе колоративной конструкции

Особенностью вепских глаголов речи является употребление их в паре, составляющей глагольный бином, который придает особую динамику и выразительность описанию говорения (*pagišta papatada* ‘букв.: разговаривать + балабонить’, *lodeita loglotada* ‘букв.: говорить + болтать не умолкая’, *pagišta räpätada* ‘букв.: говорить + трещать без умолку’, *sanuda mäčkahtada* ‘букв.: сказать + прищёлкнуть’, *sanuda troppahtada* ‘букв.: сказать + хлопнуть’ и пр. [3, 385]. Эта особенность касается глаголов, не только выражающих речевую деятельность, но и имеющих другие значения. Как видно из примеров, такая конструкция состоит из двух глаголов – так называемого нейтрального, выражающего то или иное действие, и дескриптивного, описательного, колоративного или звукоподражательного, выражающего то же действие, но с более ярким его описанием. В сочетании с нейтральным дескриптивный глагол раскрывает характер его действия, придает действию стилистико-экспрессивную окраску [3, 386]. Дескриптивный глагол в данной конструкции будет находиться в личной форме, а нейтральный – в форме I инфинитива.

А. Рютконен оставил описание прибалтийско-финских конструкций с дескриптивными глаголами: «Глаголы в такой конструкции могут быть в одной форме, а могут быть и в разных, бывает и так, что один из них находится в форме I инфинитива, а другой – в личной, притом нейтральный глагол находится в форме инфинитива, а дескриптивный глагол, раскрывающий обстоятельство действия, имеет личную форму» [12, 90]. В прибалтийско-финских языках это прослеживается в северных собственно карельских говорах, а также в вепском языке. Как показал анализ материалов Корпуса, подобные конструкции являются довольно яркой особенностью вепского языка и встречаются во всех диалектах и поддиалектах. По данным настоящего исследования, в младописьменной норме они не встречаются вообще или встречаются крайне редко.

При исследовании карельского языка финские лингвисты называли такие конструкции колоративными из-за их близости к фразеологизмам [11, 481; 12, 102]. Но от фразеологизмов они все-таки отличаются, их сближает лишь редкое использование дескриптивных глаголов в переносном значении [8, 9]. Если говорить о синтаксической роли инфинитива здесь, то он будет являться частью предикативной конструкции или группы предиката [8, 8].

На русский язык указанные конструкции не всегда удастся дословно перевести. Это связано с тем, что в русском языке для передачи характера действия нейтрального глагола часто используется большое количество глагольных синонимов: *бить* – *шлёпать*, *бросить* – *швырнуть*, *идти* – *ковылять* и т. д. [8, 5]. Порядок слов в такой конструкции не является устойчивым, но анализ примеров, найденных с помощью лексико-грамматического поиска, показал, что в основном дескриптивный глагол стоит на первом месте, а за ним следует глагол с нейтральным значением в форме инфинитива (очевидно, традиционная структура конструкции размылась):

(юж. вепс.) *A härg hāndan lend' da ku purskaadab paskata* «А бык хвост поднял и как извергся испражняться»; *Budahtoitpa ampta kerdan, toižen* «Бахнули (выстрелили) вы раз, другой»;

(сев. вепс.) *Miša dö hrappib magata* «Миша уже храпит»; *Hän ku möst dö rahtiitab antta päha hamarol* «Он как снова треснет по голове обухом»; *Nece varvei d'o kodihe d'oks' tulda edel heid* «Эта Варвой уже побежала домой перед ними»;

(вост. вепс.) *Gälo pälo venehuden-se helahtoit' čuta* «Лодочку выбросило на лёд» (*helähtoitta* 'швырнуть', *čuta* 'кидать, бросать'); *A vihmada žarip ka, eisa daže stanus spasaidakse nikut* «А дождь льёт (жарит), нельзя даже спастись в стане никак»; *Toine šlibgutab (бросаем) čapta, tol'ko maihutab (машем) čapta* «Второй режет (бросая), только режет-помахивает»;

(зап. вепс.) *Virzule peskud paned da jorotad pesta lagen* (моешь натирая) «В лапоть песку положишь и натираешь пол»; *Hän oti, tovarišou oružjan hvati, hloponi ampta toižen kerdan* «Он взял, у товарища

ружьё схватил, хлопнул (стрельнул) раз-другой»; *Potom pigembali kodhe prikatin' turuda* «Потом быстро домой прикатил».

Статистика показала, что в материалах Корпуса I инфинитив в роли предикатива в составе колоративной конструкции представлен 2 % от числа всех форм I инфинитива в восточном диалекте и 1 % – в остальных диалектах. Вероятно, наибольшее количество таких конструкций в средневепском говоре может быть обусловлено наиболее широко представленным этим диалектом количеством текстов. Одновременно заметна явная нестабильность в облике конструкции, в порядке следования элементов в ней, а также признаки ее разрушения.

Заключение

Поводя итог, можно сделать вывод, что Открытый корпус вепсского и карельского языков представляет собой богатый источник для изучения вепсского языкового материала. В нем присутствует значительная диалектная база, которая, несмотря на необходимость ее постоянного пополнения, является ценной и репрезентативной для исследователя и совместно с ручной обработкой позволяет описать картину использования I инфинитива в вепсском языке с точки зрения его синтаксической роли. Судя по результатам анализа, вепсские диалекты в этом плане едины: для I инфинитива в каждом из них характерны роли субъекта, объекта, атрибута, обстоятельства (адвербиала) и предикатива. При этом продуктивность инфинитивных форм колеблется по диалектам незначительно. Наиболее востребованы функции субъекта в конструкции должностования и объекта в связке с модальными и переходными глаголами. Видимо, в обоих случаях следует учитывать русское языковое влияние. Оно просматривается и в функционировании некоторых фольклорных конструкций, например в формуле причитаний с глаголом *linneb*.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

сев. вепс. –	северновепсский диалект
юж. вепс. –	южнонепсский диалект
вост. вепс. –	восточный говор средневепсского диалекта
зап. вепс. –	западный говор средневепсского диалекта

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойко В. П., Зайцева Н. Г., Крижановская Н. Б., Крижановский А. А., Новак И. П., Пеллинен Н. А., Родионова А. П., Трубина Е. Д. Лингвистический корпус ВепКар – «заповедник» прибалтийско-финских языков Карелии // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2021. № 7. С. 100–115. DOI: 10.17076/them1415.
2. Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка: (Фонетика и морфология). Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981. 360 с.
3. Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. «Говорить» повепски: именованья некоторых глаголов речи в языке вепсов (лингвогеографический и семантико-этимологический аспекты) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 3. С. 376–388. DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-376-388.
4. Зайцева Н. Г., Крижановская Н. Б. Корпусная лингвистика в прибалтийско-финском исследовательском пространстве (на материале Корпуса вепсского языка и Открытого корпуса вепсского и карельского языков) // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 264–273. DOI: 10.15393/j103.art.2018.1062.
5. Иванова Г. П. Полипредикативные конструкции с инфинитивами в форме инесива в вепсском языке (в сравнении с финским) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 205–220.
6. Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 6–20.
7. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16. С. 7–20.
8. Федотова В. П. Дескриптивные глаголы в карельском языке. Петрозаводск: Периодика, 2002. 165 с.
9. Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2015. 347 s.
10. Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki: SKS, 1926. 146 s.
11. Penttilä A. Suomen kielioppi. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1957. 692 s.
12. Rytönen A. Deskriptiivisistä sanoista // Virittäjä, 1935. Vol. 39. S. 90–102.
13. Saukkonen P. Itämerensuomalaisten Kielten tulosijainfinitiivirakenteiden. Historiaa 1: Johdanto, adverbaali infinitiivi. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1965. 275 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 137).
14. Setälä E., Kala J. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1951. 483 s. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; 100).
15. Savijärvi I. “Kirves on työkalu hakata puita”. Havainnot ensimmäisen infinitiivin lyhemmän muodon käytöstä // Virittäjä. 1971. Vol. 75, no. 3. S. 280–296.
16. Savijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1982. 171 s.

Поступила 03.08.2023; одобрена 20.08.2023; принята 25.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. В. Кошелева – старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, младший научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, koshelevamasha@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9468-9580>

Features of the functioning of the I infinitive in the Veps language based on the materials of the Open corpus of Veps and Karelian languages

Maria V. Kosheleva

Petrozavodsk State University,
Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia

Introduction. One of the important reasons for the high attention to the study of the Veps language is the young system of Veps writing language, the formation of which has been taking place in recent decades. Because of rules development the researchers have to analyze a number of grammatical categories, including the form of the I infinitive considered in the article.

Materials and Methods. The article analyzes the cases of the use of the I infinitive based on dialect materials of the Open corpus of Veps and Karelian languages. It identifies the statistics of the use of these forms in sentences, identifies the patterns of their functioning in syntactic constructions, and identifies the difference or its absence in the use of infinitives in different dialects of the Veps language.

Results and Discussion. The I infinitive is the most common and popular infinitive form in the Veps language, therefore it is represented in a large number of texts available in the Open corpus of Veps and Karelian languages. The analysis showed that the frequency of its use in all dialects of Veps language is approximately the same. The I infinitive performs the roles of subject, object, adverbial and adjective in the sentence, and acts as a predicative as part of the colorative construction. Depending on the syntactic function of the infinitive, several main groups are distinguished as part of the infinitive construction.

Conclusion. The Open corpus of Veps and Karelian languages is a rich source for the study of the Veps language material. It contains a significant dialect base, which, despite the need for its constant replenishment, is valuable and representative for the researcher, and with manual processing allows us to describe the picture of the use of the I infinitive in the Veps language from the point of view of its syntactic role.

Keywords: corpus linguistics, the Veps language, I infinitive, syntactic functions of infinitives

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the state assignment of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, No. 121070700122-5 "Fundamental and applied aspects of the study of the Baltic-Finnish languages of Karelia and adjacent regions".

For citation: Kosheleva MV. Features of the functioning of the I infinitive in the Veps language based on the materials of the Open corpus of Veps and Karelian languages. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2023;15;4:408–420. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.04.408-420.

REFERENCES

1. Boyko TP, Zaitseva NG, Krizhanovskaya NB, Krizhanovsky AA, Novak IP, Pelinen NA, Rodionova AP, Trubina ED. Linguistic corpus VepKar is a language refuge for the Baltic-Finnish languages of Karelia. *Trudy Karelskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* = Transactions of Karelian Research Centre of Russian Academy of Science. 2021;7:100–115. (In Russ.). DOI: 10.17076/them1415.
2. Zaitseva MI. Grammar of the Veps language: (Phonetics and morphology). Leningrad; 1981. (In Russ.)
3. Zaitseva NG, Zhukova OJ. 'Speak' in Vepsian: names of some verbs of speech in the Veps language (linguo-geographic and semantic-etymological aspects). *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* = Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2021;15;3:376–388. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2021-15-3-376-388.
4. Zaitseva NG, Krizhanovskaya NB. Corpus linguistics in the Baltic-Finnic research area (the Corpus of Veps language and the Open corpus of Veps and Karelian languages). *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh*

- issledovani* = Nordic and Baltic Studies Review. 2018;3:264–273. (In Russ.). DOI: 10.15393/j103.art.2018.1062.
5. Ivanova GP. Polypredicative constructions with infinitives in the form of inessive in the Veps language (in comparison with Finnish). *Sibirskii filologicheskii zhurnal* = Siberian Journal of Philology. 2013;3:205–220. (In Russ.)
 6. Plungian VA. Why do we need the National corpus of the Russian language? Informal introduction. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* = National corpus of the Russian language: 2003–2005. Results and prospects. Moscow; 2005:6–20. (In Russ.)
 7. Plungian VA. The corpus as a tool and as an ideology: some lessons from modern corpus linguistics. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii* = Russian language in scientific coverage. 2008;16:7–20. (In Russ.)
 8. Fedotova VP. Descriptive verbs in the Karelian language. Petrozavodsk; 2002. (In Russ.)
 9. Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki; 2015.
 10. Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki; 1926.
 11. Penttilä A. Suomen kielioppi. Porvoo; Helsinki; 1957.
 12. Rytkönen A. Deskriptiivisistä sanoista. *Virittäjä*. 1935;39:90–102.
 13. Saukkonen P. Itämerensuomalaisten Kielten tulosijainfinitiivirakenteiden. *Historiaa 1: Johdanto, adverbaali infinitiivi*. Helsinki; 1965;137.
 14. Setälä E, Kala J. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista. Helsinki; 1951;100.
 15. Savijärvi I. “Kirves on työkalu hakata puita”. Havaintoja ensimmäisen infinitiivin lyhemmän muodon käytöstä. *Virittäjä*. 1971;75;3:280–296.
 16. Sovijärvi A, Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki; 1982.

Submitted 03.08.2023; reviewing 20.08.2023; accepted 25.08.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. V. Kosheleva – Senior Lecturer, Department of Baltic-Finnish Languages, Petrozavodsk State University, Junior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, koshelevamasha@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9468-9580>